

Анна Демидова О Да! Любви

*Моей сестре Побережной Виктории.
Самой лучшей.*

Ода (чи О-ДА!?) серцю (диптих)

I

Троль тіла.
Ти ж
хо-ті-ла?!
троїстих траєкторій)))

Голова — тріщина...
ТРИ?
Ще?
На!

Звивин кураж...
Стоногий абордаж...
Зади-ха! — ю-сь... аж...
Барди — в ребрі.
Ребро — на музиці.
Ретро — в подушці

очі вибалушило — і — не заснуть!

Підпираю сон сірника-ми
а... ми
підлогу Ви-стелили собою
кутом дев'яносто градусів...

Град? УСІ?!!!

Зустрічі ПАБ — в пах —
твое підсвідоме свідоме
кривавить зміїними вузлами на зламі.
На-зла-мі Цу-на-мі...
мі.

Леся Мудрак

*Читая в первый раз хорошую
книгу, мы испытываем то же
чувство, что и от приобретения
нового друга.*

Вольтер

Надеюсь, мы подружимся.

Автор

с чистого листа

Welcome to the real media life

О ДА! ЛЮБВИ: о том, как мы становились счастливыми

I believe in love

Прежде чем я начну свой рассказ, хочу спросить у тебя, мой дорогой читатель, о чем ты мечтаешь? Какая она, твоя мечта? Подумай хорошенько и ответь мне на еще один вопрос: что ты сделал для того, чтобы эта мечта исполнилась?...

Давай познакомимся, если вдруг мы встречаемся впервые. Меня зовут Орлова Яна Олеговна. Мне двадцать шесть лет и, как поет моя любимая исполнительница: «я стала старше на жизнь, наверное, нужно учесть». Константой остался светлый цвет волос и природная стройность. По специальности я — магистр экономических наук, поэтому ни творческой жилки, ни глубокого внутреннего мира у меня нет. Зато есть чувство юмора, доставшееся от папы, и неугасающий оптимизм, являющийся скорее недостатком информации. Как это ни прискорбно звучит, но по своей специальности я не проработала ни дня, потому что призвание мое — телевидение.

Я — телевизионщик, а значит, человек с суперспособностями, такими как: «не спать неделями» и «есть все подряд и не поправляться». Я обожаю путешествия. Как писал Франц Кафка: «Как дома я только в дороге», и в этом я с ним абсолютно солидарна. Моя любимая цитата: «Стрелять так стрелять!» И любить так любить...

Вместо предисловия

Моя мечта исполнилась: я написала книгу! И вот, ранним весенним утром я сижу в машине напротив дома Александра Небесного — принца из своей собственной сказки-триллера, — сжимая заветный томик в руке. Конечно, Александр — главный персонаж не только рукописи, но и моей персональной летописи. Прокручивая в голове сотни сценариев нашей встречи, я жду, пока Саша выйдет из дома — на работу. Мы не виделись ровно шесть месяцев. Полгода — это много. Я почти забыла, как он достает из пачки сигарету и поднимает одну бровь, когда сердится. А сердился он обычно часто. И обычно — на меня. Время катастрофически разрушительно действует на воспоминания, стирая ластиком детали. Итак, он выйдет — я «поморгаю» фарами и сниму очки. Он меня заметит, и я улыбнусь ему в ответ. Нет, не так. Он выйдет из подъезда, а я — выйду из машины.

Нет, тоже не так. Он выскочит на улицу, а я крикну: «Саша!» Или... А вдруг он будет не один? Или вообще сегодня не ночевал дома? На часах — полвосьмого утра. Минуты тянутся бесконечно долго. Я волнуюсь. Уехать, что ли?

А в это время Александр Небесный успел проснуться, пролистать ленту новостей в Facebook, выпить кофе и поправить галстук перед зеркалом. Он спокоен. Пора, что ли?

Два вопроса слились в одно бесконечное многоточие. А книжка-то хорошая получилась. О любви.

С чего все началось

Отрезок 1

Обучение всегда стоит дорого. Любой жизненный опыт — это учеба. Правда, иногда оплата неоправданно завышена. Я заплатила за свой урок достаточную цену, полностью доверившись своему учителю. Никогда никого не обманываю, думаю над тем, что говорю, и делаю то, что задумываю.

В то утро я проснулась абсолютно счастливой: рядом со мной — мужчина моей мечты, Александр Александрович Небесный. Мы — на краю света в уютном номере гостиницы на берегу Тихого

океана, штат Калифорния. На мне — рубашка мужчины моей мечты, я хочу слышать, видеть, чувствовать, пахнуть своей любовью. Теперь, когда у нас не осталось тайн друг от друга, все разом стало на свои места. Мы больше не воюем, не ругаемся и не соревнуемся в причинении боли друг другу. Ведь одному Богу (и тебе, мой дорогой читатель) известно, через что нам довелось пройти, чтобы вот так проснуться вместе. На часах — семь утра, самое время для утренней пробежки. Я поднялась с кровати и, чтобы не разбудить свое самое большое сокровище, на цыпочках пробралась на кухню. Включила ноут. В Киеве сейчас пять часов вечера. Входящий вызов в скайп. Это моя подруга Ксения.

Ксения — 30 лет, блондинка с четвертым размером груди и не менее широкой душой. В прошлом — кастинг-менеджер сериалов. Сейчас — начинающая актриса, восходящая звезда киноиндустрии.

— Орлова, твою дивизию! Я уже забыла, как ты выглядишь! Когда закончится твоя ссылка? Время делать ветер!

Я нажала кнопку «американо» на кофе-машине.

— Ксюха, не ори! У нас утро. Сашу разбудишь. Не знаю, я не хочу домой! Мне тут так хорошо... Знаешь, мы с Сашей...

Ксения перебила меня на полуслове.

— Опять о Саше... Ладно, не хотела тебе говорить, но лучше скажу я, чем другие.

Я сделала первый глоток ароматного кофе и глянула в окно: океан сегодня какой-то беспокойный.

— Ксю, ты же помнишь, что бывает с гонцом, принесшим дурную весть. Ну, говори, подруга!

— Янка, загугли Александр Небесный и Елена Прекрасная. Это актриса, я с ней сейчас в сериале снимаюсь.

Я внутренне напряглась.

— Ксюша, там будет что-то такое, чего мне знать не стоит?

— Яна, загугли и перенабери.

Я отключила скайп и отодвинула кофе. Ввела в строку поиска Google имя и фамилию своего любимого. Почти сразу выскочило: Александр Небесный, продюсер, и... Елена Прекрасная... И новость. Вот так новость! Помолвка известного продюсера Александра Небесного и начинающей актрисы Елены Прекрасной.

Штормит сегодня океан. Не самая лучшая погода для утренней пробежки.

Как же так? Снова Саша сделал мне больно. Снова мое хрупкое счастье разбито вдребезги. Как же больно даже смотреть на эту новость! Омерзительно больно. Но с любой болью можно

справиться, любую боль можно полюбить. Я решила рассмотреть соперницу. Красивая ухоженная брюнетка. Слегка полновата, но эта полнота ей даже идет. Ах, она, оказывается, беременна! Дети — это хорошо, дети — это счастье. Злости у меня к ней не было. Я любила Сашу, а если он любит Елену Прекрасную, я ее тоже априори заочно люблю. Молоденькая...

Что такое абсолютная любовь? Это абсолютная свобода и желание абсолютного счастья для того, кому отдано твое сердце. На всех фотографиях с Леной Саша была абсолютно счастлив. Никогда я не видела у него такую улыбку. Никогда не видела таких ярко-синих счастливых глаз.

Здравствуй, новый вид моей собственной pain — «тихая смерть». Не мучает, не играет, не забирается под кожу — сразу убивает. Мир на паузе, звуки отключены.

What the hell am I doing here?

Смахнув слезы, на скорую руку собрала вещи. Старалась все делать очень тихо — не хотела нарушить сон Небесного. Паспорт, деньги, телефон. Натянула джинсы, глянула перед выходом в зеркало: нехорошая девочка улыбалась. И вот ранним утром июня я ушла от мужчины моей мечты в рубашке мужчины моей мечты, даже не оставив никакой записки. Ничего не заканчивается,

пока не заканчивается. Закончилось. Я закончилась.

Отрезок 2

Ни одного человека на пляже.

Мне надо громко закричать. Мне это нужно сейчас.

Я кинула сумку в песок и дала волю эмоциям. Истерики.

Волны бьют в лицо, вода холодная. Сколько я могу проплыть? Могу на тот берег? А какой там берег? Ветер сбивает мысли. Соленая вода дает мне пощечину. Хочешь захлебнуться, девочка? Я борюсь со стихией. Неужели есть что-либо сильнее меня самой? Нет, это невозможно.

Истощив запасы собственных возможностей, я победила своего самого сильного противника — себя. Не навредила. Выползла на берег и без сил упала в песок. Мокрые джинсы — очень тяжелые, но это моя единственная одежда. Надо подождать, пока вся обсохну. Не знаю, сколько времени я так пролежала. Но ведь надо же жить дальше! Вставать и идти.

Уже в аэропорту Линдберг-Филд я набрала Ксению. Она взяла трубку моментально.

— Ну что, видела?

— Видела. Счастья им и здоровья. Я вылетаю домой! Я возвращаюсь!

На том конце провода — радостный возглас.

— Ну наконец-то! Тебе хоть не очень больно?

— Ты знаешь, я сама еще не поняла. У меня уже какой-то иммунитет к боли.

— Ну вот и славно! А знаешь, Мила замуж выходит!

Людмила — еще одна наша подруга, 30 лет, продюсер на телевидении. Любительница дорогих машин, дорогих мужчин и недорогих плюшевых мишек. Обладает врожденным сарказмом и цинизмом. Второй год состоит в отношениях с женатым мужчиной. Так что новость о ее замужестве меня выбила из колеи еще больше, чем измена Небесного.

— Ни фиги себе! Королевич развелся?

Королевич — Алексей Королев, высокий подтянутый брюнет, «true love» нашей Милы. Тоже, кстати, продюсер. Да, у каждой девушки должен быть свой продюсер.

— А вот этого, Яннет, я не знаю. Она скрывает! Может, боится, чтобы не сглазили ее счастье.

Да уж, жизнь интересная штука. А штука — это тысяча. Тысяча возможностей изменить свою жизнь раз и навсегда. До вылета из Америки еще полчаса. Я набираю Милу.

— Люда, ты тихушница! Когда роспись?

— Во-первых, здравствуй. А во-вторых,

неужели и в Америке известно о моем скором замужестве?

— Ксюха рассказала. Королевич развелся, что ли?

В трубке молчание.

— Можно я пока ничего рассказывать не буду? Ты где сейчас?

Точно боится, что сглазим ее хрупкое счастье. Ну и правильно, что молчит. Ну и правильно, что боится. Свое счастье надо беречь и никому не показывать.

— Я в Америке еще. Вылетаю в Киев через полчаса.

— С Сашей?

Я ответила в тон своей подруге:

— Можно я пока ничего рассказывать не буду? Ну роспись хоть когда?

— Двадцать четвертого июня.

— Ну, поздравляю заочно. Но помни, что хорошее дело браком не назовут!

В трубке послышался смешок. Я отсоединилась. Станный сегодня день. Предал любимый человек, а лучшая подруга не пригласила на свадьбу. Я прошла регистрацию и начала подниматься на борт. Звонок. Я еще на территории Штатов, до боли знакомый номер. Небесный очнулся.

— Яна, а куда ты убежала? Все побросала...

Я молчу. Люди за моей спиной начинают нервничать. Отхожу в сторону.

— Простите, вы ошиблись номером.

— Янка, кончай дурить. Это я, Небесный!

Каждое слово дается мне с особым трудом. Слезы подступают к горлу.

— Простите, я никогда не знала человека с такой фамилией. Я бы запомнила, я бы запомнила... — почти кричу в трубку я и отключаюсь.

Я бы запомнила. А сейчас — забуду. Как будто и не было вовсе, как будто и не было вовсе, как будто и не было вовсе.

Отрезок 3

Перелет из Америки — дело утомительное. За время трансфера успеваешь прослушать весь плейлист и просмотреть парочку любимых фильмов. Я остановила свой выбор на «Snatch» и «Играх разума». Пересадка в Париже — отличная возможность прикупить новой парфюмерии в дьюти-фри. «Ambre Topkaré MDCI» — отличный выбор для девушки, решившей начать новую жизнь.

В Борисполе меня встречал бывший муж. Глеб — как всегда, на высоте: в белоснежном пиджачке и светлых джинсах. Легкий загар отлично

подчеркнул два его основных достоинства — волосы цвета пшеницы и глаза цвета моря. «Какого черта я с ним развелась?» — промелькнуло у меня в голове.

— Яна, отлично выглядишь и... пахнешь. Я, конечно, слегка удивился твоему смс, но по-своему рад, что ты вернулась. Навсегда?

Перед самым вылетом я отправила смс своему бывшему мужу с просьбой встретить меня в аэропорту. Зная рыцарские замашки экса, я была уверена в его согласии. Яна Олеговна лукаво улыбнулась.

— Если ты предложишь мне выйти за тебя замуж во второй раз, то навсегда!

— А вот это только в страшном сне, дорогая.

Я сделала вид, что обиделась. Мы подошли к машине Глеба.

— Поздравляю с обновкой! Сколько тут лошадок? — я постучала по капоту белоснежного Chrysler 300 M.

— Объем три и шесть, если тебе это о чем-то говорит, — ответил мой бывший муж, явно удовлетворенный произведенным эффектом.

Машина блестит на солнце, готовился к встрече.

— Это говорит мне, что работать ты теперь будешь на один бензин! — я показала Орлову язык и прыгнула в салон.

По дороге в Киев мы разговорились о жизни.

— Как там Америка? — начал беседу Глеб.

— Нормально, мне стали слишком малы ее тертые джинсы, — процитировала я любимую песню.

— Вот что тебя, Орлова, мотает туда-сюда? Найди приличного мужика, сядь дома и вяжи носочки.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

— Да... с твоим характером я заочно сочувствую всем будущим кавалерам.

Я снова сделала вид, что обиделась. Про характер я и сама знаю.

— Но ты и моим бабам планку задала ого-го какую. После тебя трудно с кем-то построить отношения, — продолжил Глеб.

А вот это уже приятно.

— В гости зайдешь? — спрашиваю я бывшего.

— А смысл?

Я пожала плечами и потянулась руками к автомобильному зеркальцу. Откинула его — матка боска! Прямо мне в руки выпал пакетик. да ничего себе! Вот уж не думала, что мой бывший муж может быть замешан в таком.

— Ого, Орлов, я, кажется, нашла смысл твоего визита ко мне в гости!

Орлов выдернул пакетик у меня из рук.

— Дай сюда. Друзья из Амстердама привезли.

— Да ладно, все свои.

Орлов помог мне занести вещи. Когда я переступила порог квартиры, на меня накатила волна воспоминаний. Вспомнила, как после учиненного мной разгрома мы с Небесным устроили здесь генеральную уборку. Как проснулись, крепко обнимая друг друга. Как мне прислали букет из девяти роз с одной единственной запиской «Поздравляю». Все это было как в прошлой жизни, как будто и не было всего этого вовсе.

— Орлов, доставай свой запас контрреволюционного зелья! Отметим мое возвращение на родину, так сказать.

Через полчаса мы уже сидели на балконе и философствовали.

— Ты знаешь, Орлов, я вот чувствую себя ишаком Ходжи Насреддина!

Орлов затаился и выдохнул едкий дым.

— Почему ишаком?

— Ну, Насреддин был мудрецом, хоть и юродивым. А ишак за ним ходил безропотно. Вот и я так же хожу по жизни — как ишак.

Еще одна затяжка. Ух ты! Стены начали водить хоровод. голландцы, конечно, не зря это придумали!

— А Насреддин, он что, индус?

Я стучусь к своей памяти. «Тук-тук, откройте мне, пожалуйста, книжку про Нассредина. Там тысяча двести тридцать восемь историй. Мне первую!»

— Не, вроде турок, — отвечаю я.

Орлов улыбается. Красивый и такой родной. Ну с кем, как не с бывшим мужем, можно раскуривать голландский газон? Правильно, ни с кем. Ибо в таком деле нужно абсолютное доверие, а Орлов — единственный человек, знающий обо мне все и даже больше. И все равно продолжающий меня любить. По-дружески, конечно.

— Янка, а если тебе точечку на лбу нарисовать, ты будешь похожа на индуску!

Я смеюсь, достаю из косметички помаду и рисую на лбу яркокрасную точку.

— Джими Джими Джими ача ача ача! — забегаяю я в комнату и начинаю плясать индийские танцы.

В детстве я часто смотрела фильмы, снятые в Болливуде. Моя феноменальная память запомнила все движения, и теперь телу оставалось только копировать пластику индийских актеров. Орлов ударил себя по коленям и запел:

— Эх, яблочко...

Можно любить друг друга, жить под одной крышей, но только совместное занятие идиотизмом свидетельствует об истинной душевной близости.

— Янка, иди ко мне... — Орлов протянул ко мне руки.

А я и не сопротивлялась.

I put a spell on you
Cause you're mine.

Nina Simone

Утром заклятия как не бывало: штамп о разводе в паспорте снял магическое очарование с двух когда-то горячо любящих друг друга людей. Орлов, делая вид, что не видит, что я делаю вид, что не вижу, как он поспешно покидает мою квартиру, ретировался с поля вечного боя под названием «любовь». Услышав, как хлопнула входная дверь, я перевернулась на живот и громко зарыдала в подушку.

Отрезок 4

Разбудил меня требовательный звонок мобильного. На экране — «Ксю».

— Ксюха, привет! А я на родине!

— А я у тебя под подъездом, открывай дверь, диар!

Я искренне обрадовалась визиту подруги. Ксения совсем не изменилась: такая же высокая,

такая же блондинистая, с такой же задорной улыбкой. Только теперь у нее в руках были ключи от маленького «жучка».

— Ух ты, многое поменялось за время моего отсутствия! Ты купила машину, поздравляю!

Ксюха хвастливо вертела ключиками в руках.

— Да, в кредит взяла! Ты знаешь, как долго я об этом мечтала! А ты что такая счастливая, как после секса?

— В точку, дорогая. Меня вчера Орлов встречал.

Подруга всплеснула руками.

— Ну, мать, ты даешь! Еще вчера ты любила Небесного, а сегодня уже предаешься утехам с бывшим мужем.

Я прошла на кухню и включила чайник.

— Не суди и не судима будешь. Мы еще голландский сувенир оприходовали.

Ксения села на стул, закинув ногу на ногу. На ней сегодня — белый сарафанчик руки неизвестного, но явно талантливое дизайнера.

Надо будет поинтересоваться, кто так шедевралью кроит. Нет, все-таки что-то в Ксюше изменилось. Помните уникальное свойство Яны Орловой? Смотреть в глаза и видеть душу. Я заглянула в глаза подруге. Ясно, Ксения влюбилась.

— Орлова, я в шоке. Ты погрязла в грехах. Анекдот хочешь?

Я разлила по чашкам ароматный кофе.

— Валяй.

— Приходит к священнику девушка и говорит: «Падре, я согрешила». А он ей: «Ай красавица!» Ай красавица ты, Орлова!

Мы рассмеялись. Как я могла уехать и оставить своих подруг в другой части мира?

— Ладно, Ксю, рассказывай, кто он — человек, заставивший твои глаза сиять.

Ксюша смутилась и нервно затеребила край сарафана.

— Откуда ты знаешь? Милка рассказала?

Я усмехнулась. Влюбленную женщину даже без суперспособностей за километр видно. Ксюша продолжила:

— Обычный парень. Но такой хороший!

История знакомства Ксении с ее новым возлюбленным тянет как минимум на сценарий к фильму Франсуа Озона. В один из первых летних деньков наша начинающая актриса опаздывала на съемки. Навыков вождения у нее — кот наплакал, и девушка всячески старалась, не нарушая правил дорожного движения, успеть доехать из одного конца города в другой за тридцать минут (что само по себе нереально). На одном из перекрестков наш начинающий шумихер не заметил предупреждающий сигнал светофора и прямо на пешеходном переходе сбил человека!

— Представляешь, как я испугалась! Сразу представила, как вы мне будете передачи носить! Ну я подбегаю к нему, а он мне говорит: «А я вас узнал! Вы актриса!» Тут я и поблагодарила бога за свою профессию.

Я внимательно слушала подругу. Вместо того чтобы отвести слегка помятого мужчину в больницу, Ксю посадила своего новоявленного принца в машину, и они вместе отправились на съемки! Уже вечером случился невероятный секс (исключительно в лечебных целях), моментально поставивший пострадавшего принца на ноги. Принц — это, конечно, я загнула. Матвеев, как выяснилось, сорок, и у него своя автомастерская. Слегка потрепанный принц.

— Ну, он обычный мужик, понимаешь, Яна? Не из нашей сферы! Не педик, не алкоголик, не творческая личность! Обычный мужик. Представляешь, как мне повезло?

Да, обычный мужик — это мечта любой Media Princess.

— Так вот, Яна, я думаю, что это — судьба.

Ну слава богу, а я думала, что-то изменилось за время моего отсутствия. Нет, все на своих местах. Ксения — довольно романтическая девушка и в каждом своем кавалере видит потенциального супруга, человека, посланного небесами, чтобы скрасить ее довольно и без того яркие будни.

Впрочем, разочарование в объекте своего обожания наша обворожительная блондинка тоже переживает с легкостью: «Не судьба!»

Но я решила порадоваться за подругу.

— Любовь — это прекрасно!

— Ян, а как там Небесный? Этот news maker хоть как-то объяснил гадкие публикации?

Я встала и подошла к окну. Вид, конечно, не такой прекрасный, как в Калифорнии.

— Океан был беспокойный, когда я уезжала...

А человека с такой фамилией я никогда не знала.

Ксения понимающе кивнула головой.

— Вот и правильно, Орлова, вот и правильно. Слушай, у меня есть идея!

— Здорово, какая?

— А давай сделаем Милке сюрприз и приедем на ее свадьбу! Я все узнала! У нее временный финансовый кризис — банкета не будет, но роспись-то наша девочка не отменит! Уверена, Мила обрадуется, когда нас увидит!

Сказано — сделано.

Отрезок 5

Если вы не разбираете чемодан — значит назвать вас несчастным человеком язык не повернется. И не надо «ля-ля». Вот правда, лучший выход из депрессии — это Борисполь, терминал Д.

— Ксю, а почему Мила выходит замуж в Берлине?

Подруга пожала плечами.

— Она вообще это все делает в атмосфере какой-то таинственности и загадочности. Думаю, это как-то связано с Королевичем.

— Может, у него там родственники? — предположила я.

— Ага, остались со времен...

— Не смешно, Ксю.

— Да ладно тебе, зато такого сюрприза Милка точно не ожидает!

Как же в точку это было сказано! Такого сюрприза мы и сами не ожидали. Но пока что мы пребывали в приподнятом настроении, как и полагается в самом начале путешествия. Ксю активно переписывалась с Матвеем, я постила «луки» в Facebook: «Го на Ибицу», «Пляжницы» и все в таком духе. Заметала следы. Мила отреагировала первой: «На медовый месяц — к вам. Ждите!» Ага, конечно! Нет, мы намерены погулять на твоей буржуйской свадьбе, дорогая!

— Ксю, а теперь, получается, Мила будет Королева? Мила Королева? Звучит.

— А я, получается, скоро буду Миронова! Ксения Миронова. Для актрисы — замечательно, по-моему.

Я хмыкнула.

— А что, Матвей уже готов к лишению свободы?

Ксения повела плечиками и развернулась в другую сторону, ограждаясь от моего сарказма и реалий жизни, наверное.

— Не хочу с тобой говорить, Орлова. Не даешь размечтаться.

Я постучала подругу по спине:

— Тук-тук, откройте мне вашу душу, я хочу в нее нагадить. Я — типичный мужчина средних лет с лысиной и кучей комплексов.

Ксения развернулась. По взгляду было понятно, что именно в эту минуту в ней активно борются два состояния души — «смех сквозь слезы» и «убей мою подругу». Победила дружба.

— Давай закроем тему Матвея.

Я обняла свою best friend.

— Ок, но если он тебя обидит, я сделаю ему «генри Ли»¹. Пойдем, Ксю, посадка.

Ну, Willkomm Berlin, мы приехали!

¹ Речь идет о композиции «Henry Lee». Народная баллада, Шотландия, XV век. История о молодом человеке, который хочет бросить возлюбленную ради другой, более красивой женщины. Оскорбленная девушка подгаивает его, убивает и бросает тело в реку. Иногда в песне упоминается свидетель преступления — маленькая птичка.

Отрезок 6

Я стояла возле окна наших апартаментов на Курфюрстердамм и теребила шторку.

— Ксю, а сколько ты знаешь слов по-немецки?

Ксюха что-то крикнула из ванной комнаты. Я продолжила свой монолог, перелистывая страницы русско-немецкого разговорника.

— Я так и думала, что ты, кроме *дас ист фантастиш*, ничего и не знаешь! *Хауп-бан-коф* — вокзал... о... а бабочка, Ксю, знаешь, как будет бабочка? — крикнула я с надеждой быть услышанной, все-таки я добываю важную информацию! — Бабочка по-немецки *шметелинг!* Ой не могу.

— Что ты там хохочешь?

Ксения зашла в комнату в бежевом платье в пол. Мери Поппинс может смело перепевать: «Ах, какое блаженство знать, что Ксю совершенство, знать, что Ксю — идеал!..» Я глянула на свои джинсы: как девочки все успевают? И красивыми быть, и умными.

— Ксю, а зачем ты поселила нас на улице, где из окна открывается вид только на Шанель, Прада, Версаче и Соня Рикель? Так издеваться над слабой девичей психикой!

— Потому что цель нашего визита — свадьба,

а Милка торжественно бракосочетается через парочку кварталов отсюда. Иди собирайся, опоздаем!

Я захлопнула разговорник и поспешила прихорашиваться. Все-таки мы сегодня подружку замуж выдаем!

Через час мы уже вызывали такси. Я — в развевающемся платье в горошек, Ксю — на умопомрачительных шпильках. Ехать в метро в таком виде — значит сразу вызвать косые взгляды и неодобрительные насмешки. Немки, в большей своей части, одеваются очень скромно. На ломаном языке мы пытались объяснить диспетчеру конечный пункт нашего назначения — *штандезамт*, или загс по-нашему.

— Ну, ты что-то поняла?

— Яна, придется идти пешком, по-моему.

Ничего, для бешеной собаки два километра — не крюк. Мы шли по одной из самых оживленных улиц Берлина с улыбками на лице: красивые, умные, успешные и крайне одинокие девушки XXI-го века. Но! Сегодня одна из нас навсегда (искренне на это надеюсь) покинет клуб холостячек. Выпорхнет из гнезда, так сказать.

— Ксю, а ты будешь плакать в этом штандесруче?

— Штандезамте. Не знаю. Да, наверное. Мила так долго ждала этого счастья.

— Ага, помнишь, сколько раз мы вытирали ей сопля, когда они с Королевичем расходились?

Ксю усмехнулась, вспомнив, наверное, **тот самый** случай. Это когда мы два дня искали Милу по всему городу, а оказалось, что она снова рассталась с Лешей и решила посвятить себя дзен-буддизму, улетев на Гоа. Еще через два дня Мила и с буддизмом решила завязать, решив, что морально еще не готова отречься от мирского... Оно и понятно. Кто же отрекается от мирского на гоа в компании любимых подружек? Я вздохнула.

— Да, весело было. Слушай, Ксю, а цветы надо покупать?

Подруга остановилась посреди улицы.

— О! Цветы! Хорошая идея! Идем к метро!

Мы выбрали самый большой букет белых роз, какой только мог быть. Юра Шатунов обзавидовался бы! Решили нести его по очереди. Но до Ксюши очередь почему-то так и не дошла.

— Давай скорее, Янка, опаздываем... Роспись уже началась!

Я фыркнула, протянув чудо флористике подруге:

— На, сама неси веник, ты долго собиралась!

— Я долго собиралась?! Это ты не могла вызвать такси!

— Роспись уже началась!

— Сделали сюрприз.

В перепалке мы не заметили, как добрались до загса.

— Пришли! Вот он — шгандесруч!

— Шгандезамте, Ксю!

Перед нами было здание XVII-го века из красного кирпича. Ничего примечательного, обычная обитель мирового зла. Говорят, что когда девушка переступает порог загса, она перечеркивает свое прошлое, а мужчина — будущее. Шутка, конечно. Свадьба — это самое лучшее, что придумали люди. Все-таки браки создаются на Небесах, а разводятся люди на земле — по большой глупости. От размышлений меня прервал возглас подруги:

— Смотри! Вон она! Мила! Боже, какая красивая!

Я глянула туда, куда указывала подруга. На другой стороне улицы возле дверей берлинского загса поднимала бокалы, веселилась и фотографировалась огромная компания празднично одетых молодых людей. Два шикарных белых лимузина были припаркованы неподалеку. Все, как мечтала Мила. И вот сейчас, в эту минуту, за тысячи километров от родного дома сбывалась ее мечта: быть невестой!

— Ну, видишь?

— Не вижу.

— Ну вон она, в платье!

Я пригляделась.

— Вижу!

На Миле было пышное белое платье, перчатки и очень длинная фата, закрывающая ее с ног до головы. Только развивающиеся светлые волосы выдавали, что там, под балдахинном из абсолютного счастья, наша Милка! А то, что гуляют наши, — это и так понятно. Бюргеры не приемлют публичных поздравлений и вообще никак не отмечают день бракосочетания. Редко можно встретить невесту-немку, выходящую из шпандезамта в белом платье. Джинсы, скромная маечка, минимум косметики. Кисло живут любители кислой капусты!

— Ну, идем поздравлять! — Ксю была настроена решительно.

Мы перешли улицу и почти подошли к гостям. Милка куда-то пропала из поля нашего зрения.

— Не вижу ни Милы, ни Королевича... А у него и вправду родичи — немцы, гляди.

— Ну ничего, ты же учила с утра слова — вспоминай! — Ксю толкнула меня вперед.

— Их либе дих, дас ист фантастиш! — выпалила я.

Парочка гостей обернулась, и все полезли к нам обниматься. Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала. Я, не выпуская наш ошеломляющий букет из рук, умудрялась поднимать бокалы с

шампанским, говорить тосты за молодых и принимать поздравления. Каким-то образом нам удалось объяснить родичам Королевича, что мы — подруги его жены. Ксю затерялась в гуще событий: какой-то симпатичный немец был сражен наповал ее чарующими глазами. Да где же Мила, черт возьми? Внезапно кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулась. Вот так сюрприз.

— Мила?! А где.

Я не успела продолжить фразу, подруга схватила меня за руку и потащила в сторону от праздника жизни. Я все еще прижимала букет к груди, уже понимая, что, скорей всего, предназначение у веника поменяется — буду им защищаться от тумачков разъяренного продюсера.

— Орлова? Ну что за цирк? Какого черта ты тут делаешь?!

Передо мной стояла наша Людмила. Только никакого платья с фатой и рукавичками до плеч на ней не было. Мила была без косметики, в джинсах и маечке.

— Милка, мы сюрприз тебе хотели сделать. Ксю узнала, когда у тебя роспись, и все дела. Мы приехали. Вот. букет купили. держи.

— Так тут еще и Ксюха. Я в шоке! Спасибо, девочки! — злобно прошипела Мила.

— Мила, ну чего ты злишься? А где твое платье? Где Королевич?

Мила закатила глаза и всплеснула руками.

— Какой Королевич? Какое платье? Что вы напридумывали?

Теперь настал мой черед закатывать глаза и размахивать руками.

— У нас не так часто подруги замуж выходят! Я бы сказала даже очень редко: раз в столетие!

— Но у меня нет никакой свадьбы, Яна!

Пам-пам... Приехали. Дожились. Дошли до ручки. От удивления я, кажется, потеряла голос и перешла на шепот.

— Мила-а-а... у меня два вопроса: а что ты тут тогда делаешь и на чьей свадьбе сейчас гуляет Ксю?

— Не знаю, может, турки женятся.

Отрезок 7

Мы сидели в машине Милы и молчали. Ксю периодически икала.

— А как его зовут? — я решила начать разговор.

— Ханс-Йоахим Флайшер! — вздохнув, ответила Мила.

— Мясник, что ли? Ик... — Ксюша решила поддержать беседу.

— Почему мясник?! — удивилась я.

— Флайшер — по-немецки мясник. Ик!

Я еще больше удивилась. Откуда у Ксении, не знающей даже, как будет «спасибо» в переводе на English, такие познания в немецком?

— Ханс инженер, — Мила потянулась к букету, лежащему на «торпеде». — Вы что, ограбили цветочный ларек? Столько роз. как будто у меня и вправду свадьба.

— Ну мы же думали.

— Индюк тоже думал! — парировала Люда.

— И в суп попал. Ик! — Ксюша всегда умеет вовремя вставить свои пять копеек.

— Прекрати икать!

— Не могу...

— Это я девочки так больше не могу. — Мила положила голову на руль и разревелась.

Мы гладили ее по голове и успокаивали. История нашей подруги стара как мир. Прошлой зимой Королевич укатил в Польшу — снимать очередной фильм, прихватив с собой двух гражданок Украины: жену и нашу Милу. Это была первая ошибка Люды. Во-первых, она попала в полную зависимость от субъекта своих девичьих грез, а во-вторых, начала терять квалификацию! Что такое оказаться без работы, в другой стране, инкогнито да еще и в вечном ожидании звонка от любимого — так выглядит кошмарный сон продюсера, наверное. От скуки Мила начала посещать курсы польского языка, где и

познакомилась с Хансом. Флайшер приехал в Катовице по работе и почти сразу влюбился в нашу красавицу. А Мила все так же любила Королевича.

— Зато через три года я получу вид на жительство, — Мила перестала шмыгать носом и начала стирать с лица потекшую тушь.

Приходит в себя.

— Голосовать все равно не сможешь! Ик...

Я еще раз глянула на Ксюху. Откуда она все это знает? Может, под действием алкоголя в нее вселяется энциклопедия?

— А интеграционный тест сдавала? Ик. Девочки, а у нас воды нет случайно?

Мы с Милой переглянулись.

— Не сдавала еще. Но Ханс меня записал на курсы немецкого.

— А где он сейчас?

Мила глянула в зеркало заднего вида и поправила волосы. Пришла в себя окончательно.

— Мы расписались, и он поехал на работу.

Вот так просто. Мила с восемнадцати лет мечтала выйти замуж. Вот ее желание исполнилось, а счастья что-то не прибавилось. Да уж, выйти замуж — не напасть. Лишь бы замужем не пропасть.

— А между прочим, там нормальные ребята остались! Их либе дих! Ик. — Ксю помахала рукой своим новоявленным друзьям. — И что вы на меня

так смотрите? Я когда-то в брачное агентство ходила... У меня даже жених немец был! Ик... да что ж такое!

Это был апогей сегодняшнего дня. Ксю и брачное агентство! Та, которая громче всех кричала, что подобные конторы — унизительны и это «просто прибежище для неудачниц»! Интересно, сколько мы еще не знаем про самых близких нам людей?

Отрезок 8

Любое значимое событие в жизни надо отмечать. И не галочкой в календаре, а реальными действиями. Потому что все мы состоим из воспоминаний. И важно наполнить себя яркими незабываемыми моментами! В общем, я нашла вагон и маленькую тележку доводов уговорить своих подруг посетить знаменитый бар «Solag» на вершине небоскреба. И вот мы — три киевские девчонки — смело шагаем по Stresemannstrafie (непереводимая игра слов, просто знайте, что это в центре). Ксю — в зеленом шифоновом платье в пол, Мила — надела маленькое черное (свадьба все-таки!) и я — остановила свой выбор на белоснежном сарафане и веночке от Wojkowska.

— Это маки, что ли? Красиво.

— Ага, из камушков, видишь? Она его к тебе

на свадьбу везла. надеть хотела.

— Ксю, о драконах ни слова.

Этот диалог состоялся, конечно, ранее нашего триумфального марша в пучину показного веселья. Хотелось бы подчеркнуть слово «показного», ведь у каждой из нас на душе кошки танцевали когтями джагу-джагу. Но, как говорится, чем паршивее даме внутри, тем прекраснее дама снаружи. Кстати, о наружности, точнее о наружной рекламе. Найти один из самых популярных баров Берлина — задание для клуба юных натуралистов. В том смысле, что без компаса не обойтись. Никакой броской вывески или парадного входа.

— Отлично, повеселились...

— Ксю, ну что ты начинаешь сразу?

— Спокойно, я мужа нашла, а вы про бар какой-то.

— Девочки, сюда!

Мы прибыли в место назначения, как бы сказал мой gps-навигатор по имени Рита. Почему Рита? Когда-то один знакомый пилот рассказывал Яне Олеговне Орловой про систему навигации «Рита», которая вещает приятным женским голосом, когда небесный корабль идет на посадку: «Минимум, минимум.» Но у нас сегодня программа максимум, вы же помните.

Из скромного холла выходим к абсолютно прозрачному лифту.

- Ух ты!
- Ничего себе!
- Этаж?
- Семнадцатый.

Ночной Берлин — как на ладони. Протяни руку, улыбнись ему — и вот он уже, как любой мужчина, тает перед очарованием трех киевских девчонок.

- Боже! Какая красота!
- Девочки.
- Это только начало.

Подруги заказали три Tanqueray по десять евро и мне — тоник в нагрузку. Ксения подняла бокал, но вместо тоста решила провести со мной агитационную беседу. Бесполезно, конечно.

- Орлова, ты когда раскодируешься?
- Алкоголь вызывает у меня стойкое чувство неприязни.

— Лучше бы у тебя чувство неприязни Небесный вызывал.

Легкий удар в самое сердце. Сдержалась. Выдержала.

— Всему свое время, девочки. Считайте, что я разбила коленки, и они все еще болят. До свадьбы заживет!

- Теперь слезы навернулись на глаза Милы.
- Да сколько ж можно про эту свадьбу!
- Девочки, а он не отвечает мне на смс. —

Ксю подняла свой телефон в воздух и тяжело вздохнула.

Ну все, приехали. Из трех расфуфыренных мадам, чинно заседающих в одном из самых стильных заведений Европы, мы за считанные секунды превратились в трех сопливых девчушек. А хлюздить нельзя. Хлюздю на палочке катают.

Итак, давайте выведем сальдо на экран.

Мила — вышла замуж по расчету, в чужой стране, за абсолютно нелюбимого, неродного и более того — непривлекательного человека. Вышла, потому что не смогла больше терпеть губительное для женской психики состояние «запасного аэродрома». Вышла, потому что пора. Вышла, потому что устала от одиночества. Впереди у нашей Media Princess — долгий процесс адаптации в новом обществе, безработица на ближайший год, а следовательно сплин, хандра и тоска по родине и близким. Радужные перспективы.

У Ксю все немного проще. Наша блонда попала в зависимость от мужчины. Матвей — типичный бабник (но давайте не будем пока об этом говорить нашей подруге? Она сейчас в состоянии «влюбленная дурочка». Это пройдет. Еще Соломон говорил, что все пройдет...). Почему бабник? Объясняю. Схема у него простая, как таблица умножения. Сначала он подсадил Ксению на круглосуточное общение: смс, звонки, букеты

цветов, собственноручно приготовленные ужины, походы в кино. В общем, имитация совместной жизни. Бабник знает, о чем мечтает одинокая девочка «за двадцать пять». А потом. потом он исчезает. На три дня. И начинается ожидание связи с абонентом. А ожидание, как поет Земфира, — самый худший повод, между прочим. Конечно, Матвей манипулирует чувствами нашей подруги. А она думает, что его любит.

Орлова. А что Орлова? Орлова в перманентной сраке. Яна ибн Олег старательно выбрасывает мысли о Саше Небесном из головы. Но если хотя бы на долю секунды, хотя бы одна мыслишка залетит в и без того помутненное сознание, боль по капиллярам и сосудикам заполняет весь организм. Пульсирует в висках, пока не уходит вглубь и не превращается в один огромный черный сгусток разрушенного счастья. И так хочется вырвать эту гадость из груди, и чтобы летала она, как мячик, по всему супермодному бару «Solar»: от стенке к стенке. И разрушал бы этот мячик все вокруг, а меня не трогал больше никогда. Больше. Никогда. Никто. Не сделает мне так больно, как ты, Саша. Я обещаю.

Берлин оставался единственным приличным мужчиной в этот вечер. Надел свой лучший костюм, сотканный из ночных огней, и манил распробовать какой у него, у холостого, вкус. Но не

сегодня, немецкий брат, не сегодня. Киев — мать городов, устала, измоталась.

— Мила, а ты с ним спишь? — третий по счету Танкетгау в руках нашей Ксю привел беседу в непринужденное, но весьма богатое на подробности русло.

— С Хансом? Сплю. Но представляю Королевича... Ой, девочки, это так трудно. — Мила закрыла лицо руками.

Мы подставили ей трубочку с коктейлем.

— Не хлюздить! Так ты тут надолго? — это уже я решила поддержать разговор.

— А мне возвращаться некуда и не к кому. Остаюсь здесь, — ответ Милы был настолько краток, что сомневаться в словах и просить подругу изменить решение смысла не было.

Абсолютная точка невозврата. Мила вышла замуж за Берлин, оставив в прошлом наш Киев. Так себе замена игрока, скажу вам я.

Отрезок 9

*В состоянии неподвижного безмолвия
Дремлет чудодейственная сила:
Сила ясности и сила очищения,
Что ведет нас к сути бытия.*

Дитрих Бонхефер

Мы не прощались. Люди давно придумали skype и viber. Единственное, что попросила я перед вылетом, — это два часа времени. Есть у Яны Орловой в Берлине место, обязательное для посещения.

Бранденбургские ворота — символ надежды государства на воссоединение. Ворота мира, ставшие невольными свидетелями многих печальных событий мировой истории. Им тоже прилично досталось.

Сначала Наполеон варварски демонтировал и увез в Париж главный символ: квадригу с богиней победы — Викторией (не знаю, может, на дачу присмотрел). Вернулась она в немецкую столицу только после падения власти французского диктатора. И если до этого барышня держала в руках оливковую ветвь, то после французского приключения ее заменили крестом — немецким военный орденом за заслуги в войне против Наполеона. Только разобрались с лошадьми и

богинями — грянула Вторая мировая. В тяжелых боях все другие здания Парижской площади Берлина были разрушены, и только Бранденбургские ворота уцелели, хотя тоже не без повреждений. На них развивался красный флаг, под ними ходили советские танки. Устаканилось — случилась другая напасть: шестьдесят первый год. Ворота мира вмонтировали в печально знаменитую Берлинскую стену и наглухо закрыли. Более того, повсюду были установлены заградительные сооружения, а по бокам начинались минные поля. Жуткие тридцать лет в истории германии.

Не надо стесняться, если вы не помните, с чего началась вся эта канитель с разделением государственной границы. В двух словах: произвол победителей, диктовавших свои правила. По окончании войны США «прихватизировали» западную часть, СССР установил свои порядки на востоке. И если ФРГ активно развивалось по капиталистическому пути: люди работали, покупали авиабилеты и благополучно путешествовали по всему миру, то в ГДР был полный... коммунизм с его пустующими продуктовыми магазинами и прочими радостями советского строя. И вот так просто: третьего августа одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года жители обеих частей Берлина проснулись и увидели, что разделительная линия оцеплена и

полным ходом идет подготовка к строительству постоянного сооружения. «Восточные» растеряно смотрели на все это и понимали, что убежать уже не получится. Люди начали учиться выживать по разные стороны баррикад. Тысячи разделенных семей, печальные истории любви и бесчисленные попытки немцев перейти «полосу смерти».

По иронии судьбы на пути стены стоял храм XIX века, который назывался Церковь Примирения. Так как власти решили, что он закрывает обзор со сторожевых башен, храм был взорван в восемьдесят пятом. Зря они так, конечно.

Но, участвуя в этой смуте, ворота участвовали и в радости воссоединения страны, когда в восемьдесят девятом Берлинская стена наконец-то пала. Да еще как участвовали! Снова праздник сказался на многострадальной квадриге — от излишних проявлений радости ее немного повредили. Ну ничего — за двоих битых одного небитого дают. Если бы Бранденбургские ворота умели говорить, то на своем монументальном языке, наверное, прошептали бы тихонечко: «Ничего, переживем и это». Поэтому совершенно логично, что именно здесь, у демаркационной линии, существует комната, где царит абсолютная тишина, — *Raum der Stille*. Четыре стены для раздумья, родства душ и миролюбия. Здесь нет религий, времени и принадлежности к чему-либо.

Дышащее историей место — нейтрально пусто.

Если вы хотите принять решение, обдумать ситуацию и просто побыть наедине с самим собой — must see! Я зашла внутрь, присела на стул. Тихо, пусто, одиноко. Некоторые теософы утверждают, что после смерти мы попадаем в некий мешок или клетку, где проводим мучительное время в ожидании перерождения, миллионы раз прокручивая в голове сценарий собственной прошлой жизни, анализируя ошибки, промахи и упущения. Жутко, правда? Но когда, наконец, осознаем, где накосячили — нас снова запускают для выполнения программы. С нуля. Ведь если бы люди знали, что ждет их впереди, мало бы кто согласился жить по доброй воле.

Думаю об этом каждый раз, попадая в Raum der Stille. И вот даже не знаю, что лучше: жарить попу на сковородке или эта пытка глобальным одиночеством. Может, поэтому, кстати, мы так боимся оставаться одни — вспоминаем время, проведенное в «мешке»?

Не знаю.

Я закрыла глаза и представила себя на берегу океана. Теплая вода, шум прибоя, крики чаек. Все, как тогда, когда мы встретились в Сан-Диего. На линии горизонта белоснежная яхта — «Анна-Мария» — все дальше и дальше, превращается в маленькую, незначительную точку

в огромных волнах океана моей памяти. Мне нужно отпустить тебя, Саша. Мне нужно с тобой распрощаться. Иначе нельзя. Прости. Я больше не верю в тебя.

И ты, Берлин, прощай. Мы возвращаемся на Родину, оставив тебе сувенир — Милу Юрьевну Флайшер, прости господи.

Отрезок 10

*Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о приключениях
человека в ЖЭКе.*

Возвращение в столицу ознаменовалось двумя событиями в жизни Яны Олеговны Орловой: сломался унитаз и закончился телевизионный проект, на котором она упорно трудилась последние полгода. Впереди маячил поход в ЖЭК и временный отпуск за свой счет на неопределенное время — не радужная перспектива финансового кризиса. Ну ладно работа, но унитаз! От него я такой подставы не ожидала... В общем, утро первого июля не задалось. Звонок другу.

— Орлов, привет. Это твоя бывшая жена. У меня сломался унитаз.

— Опять бросала туда ватные палочки?

Да, кстати, никогда этого не делайте!

— Нет, «пимпачка» на сливном бачке провалилась. Вил ю хелп ми? — мурлыкаю в трубку в надежде на скорое решение туалетного вопроса.

Без «ватер клозета» — очень тоскливо. Не писать же мне в баночку.

— Я на работе. Позвони в ЖЭК, вызови сантехника. Или загугли. К тому же, я не должен бежать по первому твоему зову. И если ты думаешь, что.

Дослушать душещипательную тираду бывшего мужа не получилась: я сбросила вызов. Ну сказал бы: «Не могу» — и все. Любитель разводить философию на ровном месте. Или он думает, что после последнего коитуса я буду выдумывать поводы, чтобы снова затащить его в постель? Не в характере Яны Орловой разводить китайские церемонии. Яростно выступаю за прямоту речи: «Sex tonight?» Да, кстати, о сексе, у меня сегодня намечается бурный день любви, правда — с жилищно-эксплуатационной конторой. Вызывать «платного» сантехника в моей ситуации — буржуйство. Но что удручает меня больше, чем отсутствие денег, так это общение с представителями государственных служб. А тем более представителями этой обители мирового зла, скромно замаскировавшейся под одноэтажное здание ЖЭКа: сантехниками, дворниками,

водопроводчиками etc. Собравшись с духом, делаю шаг навстречу светлому будущему с работающим унитазом — захожу в помещение. Навстречу мне дядька с усами. «Отлично, — думаю я. — Усы внушают доверие. Николаев их десятилетиями носит...»

— Простите, вы не подскажете, где я могу найти сантехника? — я весьма вежлива в полдесятого утра.

Ответ краток и молниеносен.

— А я гребу?

Супер! Отличное начало. Наверное, дядька знаком с азами тайм-менеджмента: «Умей говорить «нет» и не затягивай с озвучиванием решения». Иду дальше. Захожу в комнату с табличкой «Приемная», передо мной тетя, явно застрявшая где-то в семидесятых: очки с толстыми стеклами, старомодная «гуля» на голове, блуза зеленого цвета и апогей путешествия во времени — губы фиолетовой помадой. Женщина без возраста. Хотя она отлично вписывалась в окружающую обстановку: алое в глиняном горшке на окне, вместо чайника — кипятильник в железной кружке и — о чудо! — радиоприемник на стене! Да здесь можно кино снимать и не тратиться на локации. Делаю вторую попытку зайти на посадку.

— Простите, вы не подскажете, где я могу найти сантехника?

Тетя поднимает голову от бумаг. На ее лице отображена вся гамма чувств, начиная от неприкрытого недовольства (оторвали от какого-то суперважного дела!) и заканчивая полным равнодушием к моей проблеме. Обидно! Попробовала она потерпеть в туалет второй час!

— Надо записаться на вызов, — всего четыре слова из уст повелительницы сантехников, а сколько тайного, сакрального смысла!

Надо записаться на вызов — значит ждите появление мастера по ремонту унитаза, как пришествию новой формы жизни на планету Земля. То есть очень долго. А в туалет-то хочется. Пытаюсь пойти по обходному пути бюрократической системы — достаю из сумки шоколадку.

— А может, как-то можно договориться?

И вот он, момент истины и гордости за общество, в котором живу:

— Нет. Сантехник — только по записи.

Не солоно хлебавши, выхожу на улицу. Еще немного, и я начну завидовать собакам, справляющим нужду под деревом.

— Девушка! Вы сантехника ищете? — слышу за спиной голос, вселяющий надежду в спасение моего мочевого пузыря.

Поворачиваюсь — наш дворник.

— Да, ищу. А что, вы можете починить?

— Я не могу, но мой друг может.

— Ведите меня к нему!

Так я оказалось в гостях у дворника. Среди мусора и коробок можно было разглядеть тело, чисто теоретически являющееся моим (опять же чисто теоретически) спасителем.

— Он выпивший... — обращаюсь к дворнику.

— А кто сейчас трезвый? — парирует чистильщик улиц.

И то верно.

— Разбудите его, что ли, — командные нотки в голосе прорезаются с каждой секундой моего терпения.

Через пять минут я уже общалась с Вась Васем (сокращенно от Василий Васильевич) — невзрачным дядькой лет сорока с абсолютно «пропитой» физиономией. Диалог получился знаменательным, передаю его слово в слово:

— Вы сантехник?

— Ну.

— У меня унитаз сломался. Починить можете?

— Ну.

— Там «пимпачка» провалилась.

— Ну.

— Пойдемте со мной, почините тогда.

— Нет.

Если бы я умела так прямо и уверенно

говорить «нет» в тех ситуациях, когда сопротивлялась вся моя сущность, я бы, наверняка, сохранила себе много времени и нервов. Но сейчас Яна Олеговна расстроилась: на часах полдень, а воз и ныне там. Я вздохнула.

— Почему «нет»? Я заплачу... немного.

Вась Вась заметно оживился, но все равно стоял на своем:

— Нет, потому что я не знаю, что там у вас за «пимпачка». Слушайте меня внимательно... — дядька наклонился ко мне и в нос ударил резкий запах перегара, мне стоило больших усилий сдерживать порыв обратной перистальтики. — Слушайте.

О, настало время невообразимых историй от псевдосантехника Вась Вася.

— Слушаю!

— Вам надо поехать на рынок, там есть мясник Толик, у него белорусский набор. Купите его и возвращайтесь, все починим.

С этими словами дядька развернулся и удалился вглубь «берлоги».

А теперь внимание — вопрос, знатоки! Как? Как я могла повестись на этот бред и отправиться на рынок к мифическому мяснику Толику за каким-то сюрреалистичным белорусским набором? Я отвечу, господин ведущий. Моча в голову ударила — в прямом смысле этого выражения.

Я зашла в мясной отдел. Мясников — больше десятка. Интересно, какой из них — Толик? Подхожу к первому попавшемуся, и — о бинго!

— Простите, вас случайно не Толик зовут?

Ответ сразу дал понять, что передо мной друг Вася Вася и нужный мне человек:

— Ну.

«Баранки гну!» — подумала я, но вслух сказала:

— Продайте мне, пожалуйста, белорусский набор для унитаза.

Немая пауза — чуть дольше положенной по драматургии.

— Чего? — это удивленный возглас мясника. — Девушка, у нас мясо.

— А «пимпачки» для унитаза нет? — это мое жалобное нытье.

— Шла бы ты отсюда, пока по шее не получила, девочка.

Я склонна верить угрозам мясника, но все-таки хотелось докопаться до истины.

— Вы меня не так поняли. Мне сказали, что тут есть мясник Толик, который продает еще и белорусскую сантехнику.

Дядька вытер руки о край фартука и почесал бороду: мыслительный процесс на лицо. Может, он и сомневался в моей адекватности, но совет дал дельный:

— Тут есть еще один Толик... в четвертом ряду. Спросите у него.

Ну не попала с первого раза в десяточку. С кем не бывает? Продолжаю свои приключения. В четвертом ряду Толик тоже был. Но и он не торговал сантехникой. Ситуация повторилась с ужасающей точностью, только в этот раз меня и вправду чуть не поколотили.

— А ну пошла вон! Ходють тут всякие. умалишенные. Пимпачка знаешь где у тебя.

Не знаю и знать не хочу. Злая на себя, Вася Вася с его белой горячкой и мир в целом, я возвращалась домой с пустыми руками и полным мочевым пузырем. Хорошо, что до Курбан-Байрама еще парочка месяцев, а то бы меня точно принесли в жертву. Как самого главного барана. Звонок другу-2.

— Ксю, можно к тебе заехать? Ничего личного, тупо отлить.

Вечером позвонил Орлов.

— Починила унитаз?

— Нет, писаю, как кот — в лоточек.

— Ладно, сейчас приеду.

И...

Глеб действительно приехал.

Одно «но»: с утра, когда за бывшим мужем закрылась входная дверь, мне все-таки пришлось вызвать платную службу по ремонту сантехники.